

«Журавли» — действие из семи сцен в здании Учебного театра показало Нижегородское театральное училище им. Е.Евстигнеева, поставив его Дню Победы. (Руководитель проекта Леонид Чигин — он и пригласил меня на премьеру, сценарист Родион Белецкий — в программке представлен как «известный российский писатель и драматург»). В постановке приняли участие студенты разных курсов творческих направлений — драмы, куклы... Само оно разбито на семь сцен, каждая из которых разыгрывается в отдельном помещении. Зрители разбиты на шесть групп по числу букв в слове ПОБЕДА. Мне досталась буква «О», и надо сказать — наш просмотр локаций (такое создалось впечатление), очерёдность сцен, оказался наиболее удачным.

«Бомбоубежище». Спускаемся в подвал старинного здания. Высокие сводчатые потолки, толстые стены красного кирпича. Подвал глубокий. Встретившая нас у двери наверху «Провожатая» (лучше бы её назвать «Дежурная по бомбоубежищу») проводит по небольшим помещениям. Затем, освещая низкие проёмы тёмных отдельных комнат фонарём, проводит зрителей в самое отдалённое от лестницы помещение. Здесь сумрачно, свет только от небольшого фонарика на столике. Рассаживаемся на лавочки вдоль стен. Появляются двое молодых людей — парень и девушка. Слышим, как будто где-то на улице сигнал воздушной тревоги, шум самолётных двигателей. Провожатая якобы успокаивает зрителей, что стены надёжные, мы в безопасности, при этом чуть ли не через слово называет нас «товарищами» — видимо, так представляется драматургу общение людей между собой в те годы.

Вот тут и начинается главная сцена этого отрывка постановки. Двое молодых людей, что оказались среди нас как бы случайно и, понятное дело, влюблённых, говорят о войне, желании уйти на фронт, приписав себе лишние годы, и т.д. Всё это происходит вполне достоверно, даже проникновенно.

Заканчивается всё с отбоем воздушной тревоги. Для просмотра второго эпизода пришлось подняться в зрительный зал. Тут («Синенький скромный платочек. Агитбригада») происходит репетиция фронтового концерта. Девушки поют песню, когда одной приходит похоронка на кого-то из близких. И тогда «трагически», со слезами она исполняет «Синенький платочек». Режиссёр концертной бригады (инвалид-военный)

до этого всё кричавший на девчонок за их не совсем качественное исполнение песни, наконец, смягчается.

Режиссёр двух просмотренных сцен А.А. Ярлыков в целом с задуманным драматургом справился. Огорчает лишь неточность в деталях, которые лучше бы всего знать. О слове «товарищ», использованном так часто, что это переходит в гротеск, я уже сказал. Но ведь и похоронка, это не солдатский треугольник, а четвертушка канцелярской казенной бумаги определённого утверждённого образца. Видел я их — подлинные. Оттого трагизм потери только глубже: личное горе соприкасается с холодом государственной бюрократической машины, где потеря человеческой жизни становится казённой бумагой по учёту солдата, находящегося на военной службе.

«У гробовщика». Действие разворачивается в отдельном новом помещении на первом этаже. Постановка Ю.Э. Фильшина. Пожалуй, самая глубокая и многослойная сцена. Плотник делает гробы (тоже каека с повреждённой ногой, которого, несмотря на его требования, не берут на фронт), а рядом другой рабочий разукрашивает матрёшки. И встаёт вопрос — что нужнее в это время людям, которые должны решить тут же зрители: либо помогать сооружать гробы, либо мастерить игрушки. Для этого и будущие актёры подобраны удачно: гробовщик строг, в обращениях и суждениях груб и категоричен; игрушечник мягок, улыбчив, услужлив — но без лести, от внутреннего человеколюбия.

«КуКрыНикСы». Самый верхний этаж здания — под крышей. К художникам приходит принимать работу представитель горкома коммунистической партии. Те рисуют карикатуры на Гитлера, но представитель власти и сам мало чем от него отличается. Он туп, визглив, размахивает руками. Зовут представителя Андрей Андреевич (намёк на Жданова?). И хоть в итоге всё вроде бы сводится к розыгрышу, шутке, даже выпиванию по десяти граммов (вместе со зрителем) коньяку с тостом: «За победу!», но какое-то тягостное впечатление от увиденного и услышанного не проходит. Поставлено режиссёром А.А. Богдановым.

«Коктейль Молотова». Выходим во двор театра. Действующие лица: двое изобретателей, генерал с адъютантом, офицер особого отдела. У изобретателей не всё получается с первого раза. Генерал нервничает, адъютант весь процесс непрерывно зачем-то фотографирует, офицер особого отдела не переставая орёт на изобретателей и генерала, который перед ним оправдывается, но всё-таки даёт последний шанс до смерти запуганным изобретателям, у которых, наконец-то, всё получается.

«У директора завода». Режиссёр А.Я. Кулиев. Для постановки освободили кабинет администратора Учебного театра. Директора Сормовского завода военного времени Ефима (Хаима) Эммануиловича Рубинчика сыграл студент третьего курса И. Степашин, показав тот тяжелейший момент, когда по просьбе И.В. Сталина завод должен был значительно увеличить выпуск танков Т-34. И тут всё сводится к крику, страху, словно именно на этом чувстве страна изобретала, строила, побеждала...

Вся подобная либеральная чернуха порядком надоела своей вопиющей неправдой, многожды опровергнутой самой жизнью, но нет — ради того, чтобы быть в «тренде», тянут и тянут эту ложь в киноленты, театральные постановки, на страницы книг и журнальных публикаций.

И вновь, как мне показалось (я об этом уже писал), в училище соперничают два направления: поиска исторической и духовной правды, нравственного поиска высшей справедливости и поверхностного поддаживания под столичную моду либерального толка, абсолютно чуждого национальным интересам, традициям русской культуры, духовным основам нации.

Примирияюще выглядит последняя сцена, разворачивающаяся на улице Большая Покровская напротив здания Учебного театра — «Вольер» (постановка М.Р. Сабирова и М.А. Сторожевой). Собравшиеся зрители всех групп образовали круг, убираются решётки импровизированного вольера, где стоят модели трёх белых журавлей. Звучит знаменитая песня на стихи Расула Гамзатова. Журавли «оживают» в руках актёров... и в итоге «улетают».

Прощаясь с директором Театрального училища, поздравляя его с премьерой, я дважды повторил: «Вы должны понимать свою ответственность: что вы, педагоги, вложите в души молодых актёров, с тем они и пойдут по своей жизни — как гражданской (граждане России), так и театральной». Не знаю, услышал ли меня, правильно ли понял Леонид Александрович Чигин?

Нижний Новгород